

суждениях по поводу познаваемости мира в условиях сильной реконструкции математических антиномий Канта нет никакой необходимости использовать эту аксиомную схему. Во-вторых, если бы даже такая необходимость и была, то при проведении данных рассуждений можно было бы использовать формализации тех аксиоматических систем теории множеств, ДФЛ-непротиворечивость которых уже установлена⁵.

В заключение сделаем следующее обобщение. В случае если результат реконструкции математических антиномий полностью выразим только в языке чистого или прикладного исчисления предикатов первого порядка, которое как известно, не является ДФЛ-противоречивым, то отсюда следует, что если тезис и антитезис математических антиномий выразим в виде α и $\sim\alpha$, то все равно они не находятся в отношении ДФЛ-противоречия, так как в исчислении предикатов первого порядка правильно построенные формулы вида α и $\sim\alpha$ не являются одновременно доказуемыми⁶. Таким образом, и в условиях сильной реконструкции математических антиномий Канта существуют на уровне теоретических представлений убедительные аргументы против кантовского агностицизма.

¹ См.: Троепольский А. Н. Формально-логический анализ математических антиномий Канта//Философские науки. 1987. № 2.

² Как известно, решающий и всеобщий аргумент против кантовского и других разновидностей агностицизма сформулировали классики марксистской философии; и он заключается в результатах практики, эксперимента. Предлагаемые в данной статье теоретические аргументы против агностицизма не имеют всеобщего значения, а имеют силу только против кантовской аргументации в защиту непознаваемости «вещей в себе».

³ См.: Нарский И. С. Проблема философского истолкования паранепротиворечивых логик//Философские науки. 1982. № 4.

⁴ См.: Френкель А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., 1966.

⁵ См. там же.

⁶ Клини С. Математическая логика. М., 1973.

Принцип системности в философии И. Канта

И. В. Дмитревская
(Ивановский университет)

Содержание философского принципа системности. Философский принцип системности является в настоящее время объектом пристального внимания ученых¹. По мнению специалистов в области системных исследований, принцип системности служит методологическим обоснованием тех многообразных форм и видов научной деятельности, которые получили название системного движения в науке. В явной форме принцип системности сформулирован в работах классиков марксизма-ленинизма².

Принцип системности в материалистической философии выступает как конкретизация диалектического принципа всеобщей связи явлений и постулата о материальном единстве мира. Его содержание представлено следующими положениями: 1) Онтологический аспект: все вещи в мире суть развивающиеся системы. Несистемное состояние объектов относительно, системность абсолютна. 2) Гносеологический аспект: исследование явлений есть исследование систем: все явления принципиально познаваемы и могут быть познаны лишь как системы. Фундаментальным для системного исследования является понятие «связь»: все компоненты диалектического учения о связях входят в содержание философского принципа системности. 3) Методологический аспект: философский принцип системности служит для обоснования общенаучной методологии системных исследований и разработки общей теории систем, а также системных методов в частных науках. Важнейшим методологическим понятием является понятие «система». 4) Мирозренческое содержание философского принципа системности в том, что он позволяет осмыслить мир как материально-диалектическое единство. Диалектико-материалистическое решение вопроса о единстве мира, как известно, является границей, которая противопоставляет марксистско-ленинскую философию идеалистическим учениям.

Фундаментальным понятием теории систем, развивающейся на основе философского принципа системности, является понятие «система». По определению А. И. Умова, система есть вещь, или множество вещей, на которой выполняется отношение с заранее фиксированными свойствами. Двойственный вариант определения рассматривает систему как вещь, на которой выполняется свойство с заранее фиксированными отношениями. Множество элементов, составляющих систему, называется ее субстратом; отношение, образующее систему, называется системообразующим отношением, или структурой; свойство отношения, относительно которого множество вещей образует систему, называется системообразующим свойством, или концептом системы³. Каждая система исследуется на трех уровнях организации: концептуальном, структурном и субстратном.

Сущность системного подхода состоит в следующем: в процессе системного исследования, в отличие от несистемного, производится последовательный переход от свойств и отношений, понимаемых как вещи, к собственно вещам: от концепта и структуры к субстрату⁴.

Это определение достаточно формально и может интерпретироваться на разных предметных областях. В нашем случае такой предметной областью является теория познания И. Канта.

Понятие системы и системный подход в концепции И. Канта. Рассмотрим с теоретико-системной точки зрения основные постулаты философской концепции И. Кан-

та. И. Кант пишет: «Под системой я разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей. А идея есть понятие разума о форме некоторого целого, поскольку им а priori определяется объем многообразного и положение частей относительно друг друга. Следовательно, научное понятие разума содержит в себе цель и соответствующую ей форму целого... Идея нуждается для своего осуществления в схеме, т. е. в а priori определенном из принципа цели существенном многообразии и порядке частей. Схема, начертанная не согласно идее, т. е. исходя не из главной цели разума, а эмпирически, т. е. случайно представляющимися целям..., дает *техническое* единство, а схема, построенная согласно идее (когда разум а priori указывает цели, а не эмпирически ожидает их), создает *архитектоническое* единство. То, что мы называем наукой, возникает не технически ввиду сходства многообразного или случайного применения знаний..., а архитектурно ввиду средства и происхождения из одной высшей и внутренней цели, которая единственно и делает возможным целое» (3, 680—681). «Под архитектурной я разумею искусство построения системы» (там же). Как видим, в предложенном определении системы у Канта налицо все компоненты системного представления объекта исследования. Концептуальный уровень представляет идея, структурный — схема, а субстрат представлен единицами теоретического или опытного знания. Для правильной организации процесса исследования рекомендуется то направление исследования, которое характерно для системного подхода — от концепта к структуре и затем к субстрату: от идеи к схеме, а затем к элементам знания или данным опыта. Такой путь исследования для Канта есть путь построения системы. Он называет этот путь архитектурным. Несистемное изучение объектов реальности — исследование низшего порядка, называемое просто техническим.

Системный характер кантовского априоризма. Итак, понятие «система» — одно из основных в теории познания И. Канта. Рассмотрим, каким образом реализуются элементы системной методологии в учении о синтетических суждениях априори — центральном вопросе кантовской гносеологии. По Канту, все человеческое знание происходит из опыта, но существует и доопытное знание. Априорное знание — продукт человеческих способностей. Оно имеет необходимый характер. Таковы, в частности, положения формальной логики, основанные на законах тождества и противоречия. Но логика не дает нового содержательного знания, ее утверждения аналитичны. Наука не может довольствоваться знаниями, полученными лишь аналитическим путем. Открывая новое, наука приобретает синтетический характер. Все опытное знание синтетично. Но в его получении участвуют такие формы умозаключений, как индукция и аналогия, которые, как известно, не дают досто-

верных выводов. Между тем научное знание, по определению, должно быть достоверным. Возникает вопрос, как возможно синтетическое знание априори? То есть знание, обладающее одновременно двумя важнейшими характеристиками — новизной и достоверностью.

И. Кант считает: чтобы знания, получаемые в опыте, носили достоверный характер, в основе их должны быть принципы и законы априори, которые задаются человеческими способностями к познанию — способностью чувственного созерцания, способностью суждения и способностью рассуждения. В отношении к материи опыта способности приобретают характер форм и понятий. Дальнейшее познание объектов идет путем синтеза форм с данными опыта или путем выводов из понятий.

Синтетические суждения априори существуют в любой области знания. Все суждения чистой математики являются синтетическими: «Положение «Прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками» — синтетическое положение. В самом деле, мое понятие прямой содержит только качество, но ничего не говорит о количестве. Следовательно, понятие кратчайшего расстояния целиком присоединяется к понятию прямой линии извне и никаким расчленением не может быть извлечено из него. Поэтому здесь необходимо прибегать к помощи созерцания, посредством которого только и возможен синтез» (3, 115). «Естествознание заключает в себе априорные синтетические суждения как принципы» (3, 116). «Метафизика, по крайней мере по своей цели, состоит исключительно из априорных синтетических положений...» (3, 117). Итак, факт существования априорного синтетического знания установлен. Вопрос состоит в том, чтобы обосновать его принципиальную возможность.

«Критика чистого разума» не рассматривается И. Кантом как система метафизики. Она оценивается как метод, позволяющий выяснить, как формируются чистые понятия. Систематическая форма любой науки создается путем выводов из чистых понятий. Вопрос о возможности синтетического знания априори расчленяется на более узкие: как возможна чистая математика? как возможно чистое естествознание? как возможна метафизика в качестве «природной склонности», а в конечном счете и как наука? «...Критика разума необходимо приводит, в конце концов, к науке, наоборот, догматическое применение разума без критики приводит к ни на чем не основанным утверждениям, которым можно противопоставить столь же ложные утверждения, стало быть, приводит к схематизму» (3, 119).

Схема получения достоверного (априорного) и одновременно синтетического (нового) знания такова: разум производит чистые понятия, обладающие априорным содержанием и способные одновременно к трансцендусу — переносу собственных существенных свойств на новое знание, получаемое в опыте.

Синтезируясь с чистыми понятиями, эмпирическое знание приобретает достоверный и необходимый характер. Чистые понятия разума, наполняясь эмпирическим содержанием, приобретают свойство новизны.

Этот механизм познания опирается на системные предпосылки, реализующие философский принцип системности. Онтологическое содержание последнего сводится к признанию системного характера объекта познания. И. Кант не сомневается в действительном существовании объектов природы: без этого невозможен предмет естествознания. Нет сомнения и в системности объекта. Правда, эта системность открывается разумом, но отсюда не следует, что ее нет у объекта. Просто мы познаем ее такой, какой ее отражают наши понятия. Идея систематизирующей роли разума в познании ясно выражена в следующем рассуждении: «Разум, когда он касается принципов познания, представляет собой совершенно обособленное и самостоятельное единство, в котором, как в организме, каждый член существует для всех остальных и все остальные для каждого, так что ни один принцип не может быть взят с достоверностью в одном отношении не будучи в то же время подвергнут исследованию во всяком отношении его ко всем областям применения чистого разума» (3, 91).

Если познание объекта подчинено системной закономерности, то структурные элементы познавательного процесса должны функционировать в этом процессе как моменты системного представления. Необходимый и достоверный характер знанию придают априорные компоненты. Они выполняют основные системообразующие функции концепта и структуры. Это формы чувственного созерцания, категории рассудка и идеи разума. Их соединение с данными опыта происходит по моделям системного синтеза⁵. Здесь не используется модель реистического синтеза, по которой одна вещь сочетается с другой как равноправная, образуя новую вещь. Формы, идеи, категории не существуют с данными опыта, а доминируют над ними. В одних случаях они выступают по отношению к материи ощущений как свойства, в других — как отношения, в третьих — как свойства отношений, в четвертых — как отношения свойств и т. п. В логическом плане это «вещи второго порядка» — овеществленные свойства и отношения. Отсюда следует, что синтез форм, категорий и идей с вещами возможного опыта происходит по моделям атрибутивного и реляционного синтеза. Именно эти типы синтеза формируют знание как систему. Развиваясь по моделям системного синтеза, эмпирическое знание приобретает закономерный характер и статус необходимо истинного.

Структурная онтология И. Канта. Несколько подробнее остановимся на особенностях структурной онтологии, лежащей в основе системной концепции И. Канта. В философской литературе раскрыты основные модели мира, связанные

с тем, что философ принимает в качестве основополагающих те или иные сущности — вещи, свойства или отношения. Таким образом, возникает онтология реизма, в основе которого лежит гипостазирование вещей, атрибутивизма, гипостазирование свойства, и релятивизма, гипостазирование отношения⁶. В зависимости от того, каким образом трактуются вещи, свойства и отношения — экстенционально или интенционально — и оказываются ли сводимыми к ним остальные структурные компоненты онтологической модели или нет, выделяются разновидности реизма, атрибутивизма, релятивизма: всецелый или ограниченный (в зависимости от этого различаются модели унарные, бинарные, тернарные и т. п.), экстенциональный или интенциональный, эмпирический или теоретический и т. п. Если модель функционирует экстенционально, то она может развиваться с помощью экстенциональных логических аппаратов, в которых отношения между вещами, свойствами и отношениями строго дифференцированы и запрещается взаимозаменяемость и взаимопереходность этих категорий. Именно экстенциональные модели употребляются в традиционной логике для описания индукции через простое перечисление. В границах такой модели невозможно обосновать достоверность индуктивного знания. Интенциональные логические модели предполагают подвижность границ между вещами, свойствами и отношениями: то, что в одном отношении является вещью, в другом оказывается свойством или отношением. Такая взаимопереходность в свою очередь объясняется принятием качественной трактовки вещей, в противоположность пространственной: вещь понимается не как пространственно определяемая, не как тело, а как система качеств. При интенциональной трактовке структуры индуктивного вывода достоверность его получает обоснование с помощью закона противоречия и особого условия — модификации логического принципа *nota notae*.

Онтология И. Канта тяготеет к интенциональной. По типу первосущностей, лежащих в основе миропонимания, это атрибутивизм. Существуют два мира вещей — мир ноуменов и мир феноменов. Между ними — отношение дополнительности. Ноумены объективно реальны, но это бескачественные сущности, точки, сами по себе не обладающие ни пространственными, ни временными, ни причинными, ни иными характеристиками. Ноумены условно можно считать экстенционально трактуемыми вещами. Природа феноменов синтетична. Они образуются в результате соединения материи восприятия с формами созерцания и категориями, и идеями. Последние есть свойства и отношения, понимаемые как вещи. Таким образом качественная трактовка вещей доминирует над пространственной: она вводится в дополнение к пространственной. Качественно трактуемые феномены имеют реальность лишь как объекты возможного опыта, то есть субъективную реальность.

В моделях системного синтеза прослеживается то самое отношение к постановке и решению проблемы обоснования выводов из данных опыта, которое позднее было названо интенциональным подходом к обоснованию индукции⁷. Если некоторой вещи Р приписывается свойство Q, то если впоследствии в эмпирических наблюдениях встретятся вещи а, обладающие Р в качестве свойства, то свойство Q, присущее Р, переходит на а: $(P)Q \rightarrow [(a)P]Q$. Например, если вещи «вкус морской воды» присуще свойство «быть соленой», то этим свойством будет обладать любая вещь, которая имеет вкус морской воды: это может быть вода, взятая из Баренцева, Каспийского, Черного морей, или искусственно изготовленная вода по рецепту морской.

Подтверждением тому, что И. Кант неявно принимает интенциональный подход к трактовке выводов из данных опыта, является содержание следующей цитаты: «Суждение «все вещи находятся друг подле друга в пространстве» имеет силу, когда эти вещи берутся как предметы нашего чувственного созерцания. Если я присоединю это условие к понятию и скажу «все вещи как внешние явления находятся друг подле друга в пространстве», то это правило получит общую значимость без всякого ограничения. Итак, наши истолкования показывают нам реальность, т. е. объективную значимость пространства в отношении всего, что может встретиться вне нас как предмет. Но в то же время показывает идеальность пространства в отношении вещей, если они рассматриваются разумом сами по себе, то есть безотносительно к свойствам нашей чувственности...» (3, 134). Пространство, по Канту, не может обладать эмпирической реальностью в качестве относительно самостоятельной вещи. В этом смысле оно обладает лишь трансцендентальной идеальностью, то есть существует лишь как форма, идея. В этом вопросе позиция Канта противостоит позиции Платона и его последователей, утверждавших объективную реальность идей. Одновременно Кант не принимает и ньютоновскую трактовку пространства как вместилища тел. Трансцендентально-идеальное пространство есть фактически свойство пространственности, которым обладают наблюдаемые в опыте вещи. Пространство как вещь в себе не имеет никаких свойств и остается непознаваемым. Но будучи качеством или формой созерцания эмпирического объекта, пространство, понимаемое как свойство, становится познаваемым. Как видим, позиция Канта в этом вопросе гораздо строже и логичнее позиции метафизического материализма. «Пространство есть ничто, как только мы отбрасываем условия возможности всякого опыта и принимаем его за нечто, лежащее в основе вещей в себе», — пишет И. Кант (3, 134). Из справедливого отрицания реальности пространства как вещи в себе, как вместилища тел у Канта вырастает агностическое отрицание объективности про-

странства. Причиной тому служит отсутствие диалектико-материалистического взгляда на природу пространства и времени как форм существования материи. Современная Канту философия не создала еще такого учения. Кант остановился в его преддверии. Системная методология «Критики чистого разума» основана на качественной концепции пространства и времени. Однако материалистическим содержанием эта структурная схема заполнена не была. Время не пришло. Однако удар метафизике был нанесен.

Вообще концепция реальности И. Канта отличается своеобразием. В понятии «реальность» мы вычленим структурное содержание. В этом смысле реальностью обладает тот объект или предмет познания, который имеет статус относительно самостоятельной вещи⁸. Кант полагал, что Д. Юм со своей скептической философией посадил корабль познания на мель и оставил его там гнить. Для того чтобы пустить корабль в плавание, нужно выяснить вопрос о том, как возможно познание? Для осуществления познания Кант постулирует две противоположности — объективный предмет познания и трансцендентальный субъект (творческий чистый разум). И то, и другое — важные предпосылки чувственного восприятия: вещь в себе первична по отношению к явлению, разум первичен по отношению к способности восприятия. Синтез явления и восприятия порождает чувственно воспринимаемое явление, а синтез чувственных явлений в нечто целое дает предмет опыта. Правила синтеза задаются чистыми понятиями рассудка, априорными формами чувственного созерцания: тем самым материал чувственности подводится под понятие, а понятию сообщается эмпирическая значимость — реальность. Реальность понятий, по Канту, обосновывается возможностью синтеза чувственных восприятий. Последняя обусловлена априорными формами и категориями. Следовательно, первичными реальностями выступают познавательные способности, остальные формы реальности зависят от связи с ними. Нечто в понятии становится реальным только в том случае, если приобретает статус вещи путем синтеза чувственных явлений. И это опять качественно трактующие вещи.

Реальность вещей внешнего мира, вещей в себе обоснована весьма своеобразно. Единственный путь к ее обоснованию — апелляция к восприятиям. Сначала вещь для нас конструируется путем синтеза восприятий (явно качественная трактовка вещи для нас). Далее — этап обоснования понятия, которое образует из вещи для нас некоторую целостность: если понятию соответствуют имеющиеся и тем более ожидаемые восприятия, то оно реально. А если реальна вещь для нас — синтез определенных качеств, то реальна и вещь в себе — носитель этих качеств. Вещь в себе — бескачественная реальность, точка, выступающая носителем фиксируемых чувствами качеств.

Если Юм и Беркли отрицают эту бескачественную подпорку свойств как реальность, то Кант находит способ обосновать ее бытие в качестве относительно самостоятельной вещи и тем самым обосновать ее реальность. Однако чувственно и рационально познаваемые вещи для нас не имеют предметного сходства с вещами в себе. Они остаются абсолютно непознаваемыми. Кант предположил возможный путь постижения вещей в себе. Это непосредственное созерцание, интуиция ума. Но механизм действия ее не свойствен человеку.

И все-таки пафос кантовской «Критики» состоит в том утверждении, что хотя знать объективную вещь в себе нам не дано, но отрицать ее реальность, относительно независимое, объективное бытие мы не можем. Обоснование реальности ноуменов в те времена играло важную гносеологическую роль в борьбе с субъективным идеализмом берклианского типа и агностицизмом Юма.

В позиции И. Канта по вопросу о реальности объектов познания отразился кризис пространственного понимания вещей. Чтобы быть познанными, объекты познания должны быть реальными. Вместе с тем Кант не может найти у ноуменов ни одного объективного свойства, так как все открываемые свойства так или иначе связаны с познавательными способностями человека, объективное содержание их неотделимо от субъективного. Все характеристики объективной реальности: пространство, время движение, причинность, необходимость и т. п.— Кант возвел в ранг априорных форм. Объективная реальность оказалась лишенной всех своих атрибутов и тем самым неуловимой и непознаваемой. Пространственное понимание вещи могло бы просто постулировать такую реальность. Но структурно-онтологическая позиция Канта в этом вопросе не столь метафизична. Проводя качественную трактовку вещей, Кант оставил за ноуменами единственное свойство — быть носителями свойств, указывать на существование объектов. Предметное сходство с реальными вещами у них отрицается. Для доказательства того, что наши многообразные знания об объективном мире относительно правильно отражают столь же многокачественный мир, потребовалось развитие диалектико-материалистической теории отражения, стержнем которой является учение о практике как источнике, конечной цели и критерии истины нашего познания.

Как возникают априорные формы? Итак, человеческое знание приобретает две основные характеристики — доказательность и новизну благодаря априорным формам познания. Априорные формы выполняют систематизирующую функцию как по отношению к самому процессу познания, так и по отношению к его результату — знанию. Априорные формы придают целостность знанию, служат инструментом обоснования реальности предметов возможного опыта и их трансцен-

дентных прототипов — ноуменов. Но откуда берутся априорные формы? Они не являются врожденными. Врожденной является лишь рефлексивная способность рассудка, порождающая их. Сами формы создаются посредством рефлексии. В характеристике рефлексивной способности существует момент системности (5, 115—121). Рефлексивная способность есть либо способность суждения, заключающаяся в умении применять уже открытую закономерность (правило) к новому эмпирическому материалу, либо способность познания, состоящая в умении применить к предметам возможного опыта идею или схему. Эта способность не является аналитической (здесь результат не содержится в посылках неявно); она производит системный синтез правил, идей, понятий с эмпирическим материалом. Ее границы очерчены предметами возможного опыта.

Системные представления позволяют раскрыть логическую природу рефлексивной способности: это не что иное, как отношение между компонентами системного представления процесса познания. Если познание есть система, в которой априорные формы выполняют роль системообразующих отношений и их свойств, а эмпирические данные — роль субстрата, то рефлексивная способность задает отношение структуры системы к субстрату, концепта к структуре, концепта к субстрату и тому подобные отношения второго порядка. При определенности таких отношений и неопределенности самих компонентов будущей системы все-таки возможно развитие познания в плане определения, уточнения и формирования ее компонентов, в том числе и концептуальных, и структурных, то есть форм и категорий. Тем более, что опыт всегда поставляет материю ощущений — субстрат системы познания и знания. Этим глубоким рангом рефлексии позиция И. Канта в гносеологии выгодно отличается от некоторых современных концепций познания, в частности, от концепции Т. Куна. Как известно, Т. Кун удачно описывает развитие познания в границах определенной исторически сложившейся парадигмы. Он отмечает, что эпоха научных революций характеризуется, как правило, сменой парадигмы. Однако логического механизма смены парадигм Т. Кун не раскрывает. А между тем этот механизм заключен в системных закономерностях развития знания, в том числе в свойствах отношений второго порядка. Кант неявно учитывает эти отношения, указывая на важную генеративную функцию рефлексивной способности разума. Однако последняя ограничена кругом объектов возможного опыта. Выходя за пределы возможного опыта, разум запутывается в неразрешимых противоречиях — антиномиях. В границах возможного опыта действие рефлексии интуитивно, непосредственно, созерцательно. Но Кант созерцание ставит выше понятийного мышления в том плане, что последнее порождает в основном аналитическое знание, в то время как созерцание всегда синтетично.

Системный анализ антиномий чистого разума. Итак, Кант решает проблему, как очертить границы разумной рефлексии? «Космологические идеи не допускают, чтобы им был дан соответствующий предмет в возможном опыте; более того, они даже не допускают, чтобы разум мыслил их согласно с общими законами опыта, хотя эти законы не вымышлены произвольно» (3, 432). Разрешение антиномий связано прежде всего с выяснением того предпосылочного знания, которое предполагается их тезисом или антитезисом. Здесь вступают в силу онтологические предпосылки логики и гносеологии И. Канта. Оказывается, обоснование тезиса и антитезиса исходит из разных допущений. Если доказательства тезиса, кроме эмпирических предпосылок, допускают некоторые умопостигаемые сущности («максима их не проста»), то обоснование антитезиса основано на принципах чистого эмпиризма («максима их проста»). Доказательства тезиса Кант называет догматизмом чистого разума. Это платоновская традиция в гносеологии. На стороне догматизма, считает Кант, практический и спекулятивный интерес, а также преимущество общедоступности. Позиция антитезиса отражает традицию эпикуреизма в философии. Эта позиция поощряет познание и содействует ему, однако, в ущерб практическому интересу. Выбор той или иной стороны в решении антиномий в конечном счете подчинен воплощению в ней принципа системности. «Человеческий разум по природе своей архитектурен, то есть он рассматривает все знания как принадлежащие к какой-нибудь системе, и потому допускает лишь такие принципы, которые не мешают быть имеющимся знаниям в одной системе вместе с другими знаниями. Однако положения антитезиса таковы, что делают совершенно невозможным завершение системы знания... Поэтому архитектурный интерес разума (требующий не эмпирического единства, а единства чистого разума а priori) заключает в себе естественную благосклонность к утверждениям тезиса» (3, 440). Но здесь И. Кант, безусловно, ошибался. Сила любого теоретического построения состоит в способности к развитию, к реализации на новых предметных областях. Система знания должна обладать определенностью на уровне концепта и структуры, но не должна быть субстратно завершена или замкнута на уровне несистемообразующих отношений или свойств. Примером такой живой развивающейся философской системы служит диалектический материализм.

* * *

1. Философский принцип системности реализуется в концепции И. Канта достаточно полно. Он представлен и на уровне системного подхода, имеющего преимущественно методологическое содержание, и в форме развитого принципа системности, проникающего во все аспекты осмысления мира. В онто-

логии принцип системности проявляется в принятии качественного понимания вещей, в структурной онтологии атрибутивизма, в утверждении реальности не только феноменов, но и ноуменов как носителей свойств и отношений, познаваемых в опыте; в гносеологии принцип системности проявляется в явно выраженном системном характере априоризма, в методологии — в принятии весьма близкого к современному определению понятия системы и понимания сущности системного подхода; в мировоззренческой позиции Канта принцип системности отражен в ограничении знания об объективном мире предметами возможного опыта.

2. По-видимости, принцип системности у И. Канта вступает в конфликт с двойственным характером кантовской философии. Кажется, что при последовательном проведении принципа системности эта двойственность должна быть снята. Однако нельзя забывать об историческом характере концепции И. Канта. Его система не могла вылиться ни в последовательный субъективный идеализм (юмовский солипсизм бесперспективен как теоретико-познавательная концепция), ни в метафизический материализм, поскольку последний вводит непроверяемые допущения, зачастую сводящие его к объективному идеализму, ни в объективный идеализм — по тем же причинам невозможности принять непроверяемые в опыте предпосылки философии. Принцип системности играет роль критерия истинности опытного знания. За пределы опыта Кант отказывается его распространять. Он не учитывает диалектики познания: граница возможного опыта отодвигается при расширении познания вширь и вглубь, и нельзя априори назвать объекты, могущие быть предметом возможного опыта или не могущие им быть.

При содержательном истолковании кантовский априоризм является уступкой субъективному идеализму. Однако структурная сущность его такова, что он содержит формальное условие достоверности знания. И это чрезвычайно важно. Формальные критерии истинности знания — необходимая составная часть любых дедуктивных построений, а дедукция, как известно, служит для оформления готового знания, сокращая эмпирическое познание. Отсутствие диалектического взгляда на природу познания привело И. Канта к разграничению формальных и содержательных критериев истины, а затем и к предпочтению первых вторым. С диалектической точки зрения, такое предпочтение неправомерно, так как «практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения»⁹.

¹ См.: Бирюков Б. В., Новик И. В. Принцип системности и единство «физикалистского» и информационно-семиотического подходов // Системные исследования: Ежегодник. 1980. М.; Наука, 1981. С. 24—52; Блау-

берг И. Р., Садовский В. Н. Юдин Б. Г. Философский принцип системности и системный подход//Вопросы философии, 1978. № 8. С. 39—52; Гвишиани Д. М. Материалистическая диалектика — философская основа системных исследований//Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник. 1979. М., 1980. С. 7—28. Садовский В. Н. 1) Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития//Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник. 1979. М.; Наука, 1980. С. 35—39; 2) Принцип системности, системный подход и общая теория систем//Системные исследования: Ежегодник. 1978. М.: Наука, 1978. С. 7—25; Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности//Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. С. 391.

² См.: Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980. 312 с.

³ См.: Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. С. 118—130.

⁴ См.: Уемов А. И. Логический анализ системного подхода к объектам и его место среди других методов исследования//Системные исследования: Ежегодник. 1969. М.: Наука. 1969. С. 80—96.

⁵ Об этом см.: Уемов А. И. Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития//Системный анализ и научное знание. М.: Наука, 1978. С. 95—141.

⁶ См.: Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 74—90; Уемов А. И., Плесский Б. В. Реальность, относительность и атрибутивность системных моделей действительности//Философско-методологические основания системных исследований. М.: Наука, 1983. С. 187—197.

⁷ См.: Уемов А. И. К интенциональной трактовке выводов из данных опыта//Логика и эмпирическое познание. М.: Наука, 1972. С. 7—29.

⁸ См.: Дмитриевская И. В. Системный анализ категории «реальность» в гносеологии//Становление и структура сознания и познания: Межвуз. сб. науч. тр./Ивановский ун-т. Иваново, 1982. С. 87—101.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 198.

Этические мотивы в «Критике чистого разума» И. Канта

И. С. Кузнецова
(Калининградский университет)

«Наука и нравственность», «век науки и ответственность ученого», «этика ученого» — так в многочисленных философских и публицистических работах, литературных сочинениях и газетных статьях ставятся этические проблемы, связанные с научной деятельностью. При этом особое внимание уделяется рассмотрению нравственного облика ученого, профессиональной этике, исследованию ценности познания, ставятся вопросы о применении результатов открытий. Эти проблемы исключительно обостренно воспринимаются в настоящее время в связи с пресловутой программой СОИ, успехами генной инженерии, рядом исследований в области физики и биологии. Требования общественности объявить мораторий на работы в определенной области знания наталкиваются на сопротивление ученых, выдвигающих тезис: «Развитие науки остановить нельзя». Некоторые ученые из этических соображений отказываются от ис-